

EXCLUSIVE
PROSE

Читайте книги Андрея Убогого:

- Моя хирургия. Истории из операционной и не только
- Красная зона. История врача
- Ради радости

АНДРЕЙ УБОГИЙ

РАДИ РАДОСТИ

Москва
ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM
2023

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
У17

Издано в авторской редакции

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Убогий, А.

У17 Ради радости / А. Убогий. — М.: Флобернум / RUGRAM,
2023. — 562 с. — (Exclusive Prose).

ISBN 978-5-521-92523-0

Эта уникальная книга состоит из словарей: «Пирь» — о еде, «Быстрее и выше» — о спорте, «Словарь исчезнувших вещей» — об уходящих из обихода предметах, «Сон» — об объездах Морфея. Но каждая «словарная статья» — это не набор сухих сведений, а великолепный рассказ, наполненный яркими впечатлениями бытия, живыми чувствами, поэтическими параллелями самого автора. Это именно лирический словарь. Андрей Убогий создает тезаурус собственной жизни. Этим он оберегает реальность от тлетворного действия времени, ибо то, что сохранено в словаре, не просто «тленья избежит», но обретет полноту, недоступную прежде. По мысли автора, «окружающий мир сам стремится войти в словарь, жаждет сменить хаотичную зыбкость существования на гармоничное чередование букв и слов языка».

BIC FA
BISAC FIC000000

© А. Убогий, текст, 2023
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2020
© ООО «Флобернум», 2023
© RUGRAM, 2023

ISBN 978-5-521-92523-0

ОТ АВТОРА

Чем дольше живу, тем чаще думаю: мир построен, как текст — и он существует не по одним лишь физическим, но и по словесным законам. Надо только уметь прочесть его строки, услышать послания, что он несёт в своём шуме и ярости.

Но, раз так — словарь есть важнейшая литературная форма. Мало того, что он объясняет слова и понятия, помогая нам жить в мире-тексте, но он оберегает реальность от тлетворного действия времени. То, что сохранено в словаре — не просто переживает самоё же себя, но обретает полноту, недоступную прежде. Порой даже кажется: окружающий мир сам стремится войти в словарь, жаждет сменить хаотичную зыбкость существования на гармоничное чередование букв и слов языка.

Впрочем, что рассуждения? Мысли бывают всякие, как писал один замечательный автор. Лучше открыть словарь и постараться увидеть мир, словно текст — сквозь строки которого светится радость...

Андрей Убогий

П И Р Ы

*Надеюсь, тень Евения Баратынского не явится
взыскивать с меня за название его поэмы, постав-
ленное заглавием кулинарного словаря. Но более
подходящего названия этому сочинению найти
мне не удалось.*

(Автор)

АРБУЗ. Как любой букварь открывается картинкой арбуза — кто не помнит его алую мякоть, полосато-зелёную корку и чёрные семечки? — так, пожалуй, арбузом откроем и мы кулинарный словарь. Тем более что букварь и словарь — это братья: и тот и другой общаются о главном, о базовом знании, как бы вручают нам те кирпичи, из которых мы строим картину своего мироздания.

И вот перед нами лежит самый первый «кирпич»: буква «А» — и сахарный алый ломоть, истекающий розовым соком, над которым кружит пара ос, своим напряжённым брунзжанием как будто ещё добавляя арбузу и спелости, и красоты. Ведь арбуз — он не просто арбуз: это символ щедрого лета, знак его изобилия и полноты. Арбуз — это знойные полдни, короткие тёплые ливни, это лиловая вязкая грязь чернозёмной дороги, это коршун, плывущий в промытой дождём синеве, это полынь-подорожник в сквозной тени лесопосадов, где мы сели перекусить...

Наш арбуз можно даже не резать, а молодецки разбить кулаком, он треснет и распадётся на несколько крупных, крупитчато-алых долей. Кажется, арбуз разорвал себя сам, не выдержав собственной спелости и полноты. Теперь достанем из сумки полбуханки чёрного хлеба и приступим к обеду. Хлеб с арбузом прекрасно подходят друг другу, особенно если хлеб ноздреват и душист, а арбуз сладок. Едим, аж трещит за ушами, да пощёлкивают на зубах арбузные семеч-

ки, которые ты время от времени сплёвываешь в руку, любишься на их гладко лаковую черноту и жалеешь стряхнуть со своей, уже липкой от сладкого сока, ладони. Да и семечкам жаль расставаться с тобой: они липнут к руке, — и приходится шаркнуть ладонью о жёсткую траву.

До чего же хорош наш обед! Поглощая вот эту сладчайшую мякоть, да ещё заедая её свежим хлебом, мы словно и сами становимся частью этого полдня в степи, этой неги и благости лета. Только жаль, что арбуз быстро съеден — вон, только корки белеют в пожухлой траве, и по ним деловито снуют муравьи; жаль, что нам скоро вставать, расставаясь с насиженным местом. Может, лучше вздремнём, чтоб не топтать по самому пеклу? Тем более что мы осоловели от сытости и смотрим на всё сквозь её поволоку.

Ложишься ничком — прямо там, где сидел и взахлёб жевал сладкий арбуз, — и почти моментально проваливаешься в забытье, из которого вынырнешь только минут через сорок: изумлённый, не понимающий, где ты находишься, и с непременной сухой травинкой, приставшей ко всё ещё липкой от арбузного сока щеке...